

Скакун Андрей Михайлович и его жена Скакун Валентина Григорьевна.

Интервью записано 16.08.2004 г., с.Листовое Сакского района АРКрым

**Работали: Величко Татьяна,
Эмирова Айше.**

С. – собиратель.

А.М. – Андрей Михайлович.

В.Г. – Валентина Григорьевна.

А.М.: Скакун Андрей Михайлович. А в Крымском я с тридцать шестого года.

С: ...?

А.М.: Сорок первый.

С: А что здесь был за еврейский колхоз, Вы не слышали? Как он назывался, кто здесь был?

А.М.: Как он назывался – Войо-Нова, по-моему, имени Войо-Нова, но называли Войново, вот так называли. Но мы, я ещё приехал сюда в пятьдесят первом приехали, тут ещё колхоз был. И председатель тут был, сейчас я вспомню, тут был председатель Брыль, потом был Капитановский, но это Капитановский позже был, потом кто ещё... Гонтмахер.

С: Как?

А.М.: Гонтмахер.

С: А звали его как?

А.М.: Вот сейчас уже не помню. Потом были... Березовские тут жили, потом они уехали в Симферополь, Березовские. Мы даже переписывались, с ребятами обменивались приветствиями. Березовская Маня, она у нас работала в бухгалтерии. А потом, по-моему, у них сын был, но его фамилия Бекман, Петя. Они уехали, по-моему, в Израиль. Потом, по-моему, в Израиль они уехали. Потом был здесь кто ещё... Ну Гамольский – это ещё старый, уехали... Капитановский был здесь председателем, сначала главным агрономом, потом председателем колхоза. Очень хороший колхоз был при нем. А потом он переехал в Ивановку – когда объединили колхозы..., уехали в Ивановку, был председателем колхоза. Долгое время он там работал, его там хорошо знают, но тоже очень хороший был председатель.

С: Так Вы знали здесь, да, еврейское население?

А.М.: Да, ... (?) людей знал.

С: А Вы не помните, вот они отмечали в те годы, может быть, тайно, как-то слышали об особых еврейских праздниках?

А.М.: По-моему, нет, я не слышал.

С: Не слышали? А вот вера у них – такая же как у Вас была, или ...?

А.М.: Вы знаете, раньше мы вообще о вере как-то не говорили.

С: Не говорили, да?

А.М.: Ну это ж было советское время.

С: А вот здесь кладбище было?

А.М.: Кладбище?

С: Да. Или вот как евреев, русских и украинцев хоронили – вместе, отдельно?

А.М.: Вы знаете, кладбище в Долинке.

С: Какое?

А.М.: А там было общее.

С: Общее, да?

А.М.: Да, отдельно не хоронили.

С: И что, прямо вот вперемешку могилы, или участки отдельные?

А.М.: Я точно не знаю. Но сейчас татарское кладбище – тоже одно кладбище, но татары отдельно хоронят своих.

С: Так.

А.М.: А еврейское кладбище – они вместе хоронили.

С: А похоронный обряд как-то отличался, или было всё равно?

А.М.: Вы знаете, по-моему, при мне – тут я не был на похоронах ни разу. Не помню, как отмечали, как хоронили. Вот татарский обряд я уже видел здесь.

С: Да? Расскажите.

А.М.: Ну, как у них – вот там недалеко вот жил пожилой татарин, он умер. Там у них мужчины всё: обмывание там, приехал ихний, как у них там, священник, или как он, мулла, там они сделали такое, огородили, в огороде просто загородили простынями там, чем-то отгородили, чтоб никто не видел. Им подают воду, они там обмывают, всё его... там. Потом завернули его в простынь или в какую-то ещё ткань, и такие носилки, идут мужчины, на носилки... Не, сначала вынесли его, все мужчины, женщины там не присутствуют, все встали вот так в ряд, мулла прочитал молитву. Потом взяли его носилки на плечи четыре человека, и бегом, просто рысью бежали на кладбище, всю дорогу вот так.

С: А почему бегом?

А.М.: А сами вот, кладбище, в Журавлях – это километра полтора, наверное, или два. Вот у них такой обряд, они бегом.

С: А Вы не думали, не знаете, почему бегом?

А.М.: Вот я не спрашивал, почему у них такой... Несли на плечах четыре человека, и просто быстрым шагом так, быстрым шагом. Вот такой обряд. У них нету, гроб не делают ничего.

С: А что-то в могилу клали, не знаете?

А.М.: Вот я на кладбище не ходил, что они как. Но говорят, они просто сажат его там в могилу.

С: Сажат?

А.М.: Да.

С: А чего сидя? Не знаете, чего так говорят?

А.М.: А вы спросите, тут татары есть.

С: А мы у Вас спрашиваем. Мы у них потом спросим.

А.М.: Я так слышал, я не видел, не ходил на кладбище.

С: А еврейских не видели похорон, да?

А.М.: Еврейских не видел.

С: А вот говорят, что евреи свинину не едят.

А.М.: Ну там они сейчас не очень-то придерживаются.

С: А субботу они как-то почитали? Вот говорят, что евреи субботу чтут. Вы у них не спрашивали ничего?

А.М.: Нет.

С: Да, ну а свадьбу еврейскую Вы видели, она чем-то отличалась?

А.М.: Вот у нас я не был ни разу, вот, по-моему, при мне вот, сколько я помню, у нас не было свадеб еврейских. Вот многие отсюда уехали евреи, тут мало было. В Журавлях были там, а вот в Листовом вот тут... Вот они переехали, в каком это году, не помню, переехали, вот, Капитановский, с ним ещё уехали, в Ивановку. Здесь у нас в Журавлях был Щербинский один, Анатолий, помер уже. Ну, так он, по-моему, ничем от нас не отличался. Любил и выпить, и, по-моему, свинину он тоже ел, и колбасу.

С: Нам сказали, что у Вас дом старый еврейский.

А.М.: Старый, старый.

С: Еврейский, да?

А.М.: Да.

С: А когда Вы в него вселились?

А.М.: Ну вот когда мы купили – в шестидесятом году.

С: А Вы его купили или Вам совхоз дал?

А.М.: Купили.

С: Купили? У кого?

А.М.: А здесь жили, но не евреи уже жили.

С: Уже не евреи?

А.М.: Эти дома строил как-то в 30-х годах, была такая американская организация Агро-Джойт, вот они для евреев вот эти поселки строили, вот Митяево, Листовое и Журавли. Потом ещё возле Сак – Лесновка тоже еврейский был поселок. Там тоже эти дома строились.

С: А Вы вот не слышали ничего о русских, которые еврейскую веру принимали? Не было вот этих селых таких русских еврейской веры?

А.М. Но это не знаю, не слышал.

С: Не слышали? А вот когда Вы вселились в этот дом, Вы... вот что-то там было еврейское?

А.М. Нет, ничего такого.

С: Не было?

А.М.: Стандартные дома делали они. Как у нас: две комнаты, кухня – всё. Вот мы когда купили, не переделывали ничего, у всех так. Были четырехквартирные дома – в Журавлях, там ещё есть, двухквартирные, как у нас, и одноквартирные. Это двухквартирный тоже еврейский был. Для евреев строили, не еврейский, а для евреев строили.

С: А Вы свой перестраивали?

А.М.: Не.

С: Так и оставили?

А.М. Чего-то там пристроили, вот это пристроили немножко.

С: А что - вот эту часть пристроили, да?

А.М.: Да вот это, кухню только, больше ничего не пристраивали.

С: А Вы не знаете, вот в еврейских домах были мезузы – что это такое? Мезузы – не слышали? Мезуза. Не слышали?

А.М.: А что здесь евреев – не осталось. Кажется, нет тут евреев, в Журавлях... нет, почти не осталось. У нас невестка еврейка, сын женился, и уехали, они сейчас в Чехословакии. Вот так у нас сейчас, интернационал в нашей семье. И украинцы, и русские, и поляки, и еврейки...

С: Да, у Вас уже внуки наполовину, да?

А.М.: Да, внуки уже наполовину.

С: Да, интересно. А там они как-то еврейских обычаев придерживаются в Чехословакии?

А.М.: По-моему, нет.

С: Не слышали?

А.М.: Потом она уже была не чистая еврейка, у неё мать еврейка, отец был русский.

С: Ну а Вы вот сами, допустим, как-то отмечаете Рождество, Пасху?

А.М.: Отмечаем.

С: Отмечаете?

А.М.: Как отмечаем? Красим яйца, паски покупаем.

С: А в пятидесятые годы делали так?

А.М.: Нет. В пятидесятые годы ещё не делали. Хотя так отмечали...

С: А вот говорят, у евреев тоже Пасха есть.

А.М.: Да, ранее отмечают их, но я не помню, когда. Знаю, что они пекли эту мацу, такая пресная, пресное тесто, такое.

С: А Вы эту мацу видели?

А.М.: Нет, не видел.

С: Просто слышали?

А.М.: Просто слышал.

С: Из чего её готовят?

А.М.: Ну, говорят, просто из теста, из всякой там запарки, замешивают муку, в воде там.

С: А больше ничего не добавляют?

А.М.: Не слышал.

С: А то вот я, например, слышала, что вроде бы евреи в мацу кровь добавляют. Ерунда, не слышали такое?

А.М.: Ерунда, зачем?

С: Мы слышали вот такое, на Украине нам рассказывали. Много рассказывали.

А.М.: У нас тут такого не слышал.

С: И всё, а что-то они ещё на Пасху делали?

А.М.: Ну отмечали они свою, и русскую отмечали.

С: Отмечали, да? А как?

А.М.: А так как и...: яйца красили...

С: Это уже здесь, в селе?

А.М.:... Березовская тут... семья была. Гонтмахер.

С: И вот что, Березовские красили яйца?

А.М.: Ну вот, вместе ели как-то.

С: Дружили, да?

А.М.: На праздники приходили, дружили. Не знаю они, но мы угощали, не отказывались. А что это вас интересует?

С: Ну мы вот в музее работаем...

...С: Не слышали, как они?

А.М.: Здесь, по-моему, еврейских церквей не было. Где у них может быть – не слыхал.

С: Не слышали, да? Потому что мы вот...

А.М. Может быть, где больше было население еврейское, там может быть и было у них такое, а здесь мало.

С: Ну а вот интересно, есть у славян представление о рае и аде, да? Что если человек живет на земле хорошо, он попадает в рай, а если нет, то в ад. А у евреев, куда евреи попадают, не слышали Вы?

А.М.: Не слыхал.

С: Не думали?

А.М.: Не думал. Все попадем.

С: Туда попадем, но вот куда, в какую сторону?

А.М.: В какую сторону...

...

В.Г.: И он нам предлагает вот такой вариант: «вы, - говорит, - никогда никуда не уезжали?». Мы вообще, местные, местные, крымские тут, давно это здесь в селе наши это здесь, и это, мы согласились, если эвакуироваться со скотом. Там тоже, мы были как рабочие, хорошие рабочие, вот. И, вы знаете, пришлось и оттуда эвакуироваться, с Кубани. Мы там работали знаете как крепко, и там были евреи тоже. Вот, и одна была такая пожилая, и у ней чего-то муж так молодо выглядел, и вот она всё время... Там некоторые, вы знаете, ушли в станицы, и они пострадали поэтому. А этот стал кузнецом, он так молодо выглядел, такой красивый вот, она чего-то старенькая, ну женщина стареет скорей. И он кузнец был, и никуда, она его тащит в станицу, а он говорит: «Нет, - говорит, - пока живая, будь здесь». И не пошел. И вот там кинули эти листовки, и там с рогами, там Сталин, всё. Он всё время ко мне обращался: «Валя, может такое быть?». Нет, такого не может быть, никто с Москвы не ушел, никто это – честное слово, вот такое было у нас. Ни фамилии их сейчас не помню, ничего. И она всегда ко мне как-то: «Валечка, ну как?». Я говорю: «Всё нормально, вот тут будьте». Но она пришли когда-то и сказали что мне, что, говорят, нас не тронули полицаи, немцы там у нас как-то не появлялись, только коменданты это. Мы шесть месяцев были там.

С: Это на Кубани?

В.Г.: Да, на Кубани уже были. Шесть месяцев были в оккупации. Мы ж уехали, и пришлось вернуться, вы знаете. И вот это, - я ж на ходу могу всё забывать, - и некоторые уехали оттуда, ещё пока мы не эвакуировались оттуда, с того ж места, с Кубани, они, некоторые уехали в станицы, вот они пострадали, дальше расскажу, как было. Мы тогда оттуда, нам говорят: «Бегите вы отсюда, потому что местные жители не очень-то так». Там нам было хорошо, потому что немцы почти что не трогали. Не, это ж я до немцев всё ещё рассказываю. И вот нам говорят: «Вам придется опять эвакуироваться отсюда». И там скотники, всё опять, и малыш у нас был. Ну я потом расскажу.

С: А Вы скажите, Вы в Крыму где, откуда сами из Крыма?

В.Г.: Город Евпатория, Прудовая, 80. Там я родилась, там родились мои родители, даже могу старую фотографию показать.

С: Правда? Покажите. А Вы кто, русская сами?

В.Г.: Мы - украинцы.

С: Украинцы. Вот Вы говорите, что двести лет Ваши предки на этой земле.

В.Г.: Да, да. А вы знаете как было? Мой братик уехал сейчас на Украину, младший, который, мы когда эвакуировались, ему там три с половиной месяца было. Так он, вы знаете... Ну это ж я хотела позже рассказать.

С: Да, Вы нам расскажите про своих предков, родителей, то есть как они в Крыму оказались.

В.Г.: Вы знаете, говорит папа, как будто бы он говорил так, что мы киевские, то когда отменили крепостное право, вот тогда они сюда попали. Понимаете как? И вот в Евпаторию как-то сразу они. В Евпатории все родились: отец родился в Евпатории. Мамочка, правда, родилась как: мама родилась в каменоломне, она-то в городе жила, но в каменоломне приехал парень, её туда взял. А потом они через время вернулись в Евпаторию.

С: Так Вы евреев помните, вот здесь в Крыму?

В.Г.: Да.

С: А Вы вот расскажите нам о евреях, вот нам интересно, как они вот... Ведь евреи, они другой веры, не такие, как украинцы. Какая вера у них, не знаете?

В.Г.: Ну как, иудейская, иудейская вера. Ну вы знаете, мы ж уже при советской власти, на счет этого... уже не вникали в это дело, понимаете. Я сейчас, между прочим, атеистка.

С: Да?

В.Г.: Да, никак не могу согласиться, вот меня даже в соборе евпаторийском крестили, но мы ж отвыкли от этого. Муж мой сочувствующий, потому что у него когда-то дедушка служил в церкви, он был, как это называется...

С: Дьяком?

В.Г.: Нет, он читал псалмы, псаломщиком был. Он был грамотный, и в то время – как в ...

Кубани, ехали мы, значит, что там и немцы даже, одна евреечка стоит. Но она не похожа была, а её брат – похож. И вот двенадцать – неопределённый возраст, и двенадцать можно дать, десять, и тринадцать ему. И вот никто её не берет на подводу. Знаете, она стоит, просится, мама моя видит, выглядывает, говорит: «Валя, давай её возьмем». Чтоб я с этого места не встала! И мы взяли их, говорю: «Мамочка, давай возьмем». Ваня, (?) человек, мальчик. И взяли мы их на эту, на бричку ж свою взяли, и они с нами ехали. Но когда немец подъезжает, ...здоровы... спросил (?), а мать в это время на перевалах, накрывала. Андрюша, я тебе рассказывала, как мама сказала: «Давай возьмем её!». Она такая у нас была мама! Мы её взяли, но она...(?), и всё время накрывали её, понимаете. Она его накрывала. Он у ней воды попросил, она дала ему воду, немцу. Такая жара была, август месяц, такая пыль... Она немцу дала воды-то, но он не берет, он: «Сначала ты попей». Она попила, он тогда только. Он: «Сколько ты меня будешь накрывать!». Он тоже: «Сиди, пока живой!». Нам пришлось вернуться, снова в колхоз, потому что немец перерезал нам.

С: А в какой колхоз Вы вернулись?

В.Г.: Колхоз? Колхоз Макарова, я могу: Краснодарский край, ... район, сельсовет Некрасовский, колхоз Макарова – вот какой наш адрес был.

С: А Вы вот не помните, вот здесь Вы-то уже застали еврейское население? Здесь, в этом селе, в Листовом, евреев застали?

В.Г.: Ну, а он говорил вам?

С: Немножко – да.

В.Г.: Маня была.

С: Вы знали, да?

В.Г.: Да, со своей семьей, переписывалась долго с ней! Может быть, мне теперь ревновать – шутили мы. Долго переписывались. У ней был Золя – он такой музыкант был хороший. Да. Не знаю, куда они вернулись, они в Симферополь поехали, вот, в Симферополь. Но не знаю, поехали они в Израиль или нет, но когда-то написали, что Маня уже умерла, ну мама уже его – она меня старше была, вот. Но всё время переписывался муж – не сказал Вам, что он переписывался?

С: Говорил, да.

В.Г.: Да, долго они переписывались.

С: А Вы помните вот, вы вселились в дом - говорят, что этот дом еврейский был, да?

В.Г.: Да, но мы уже его покупали. Мы не первые сюда вселились. В пятьдесят первом году. Мы ж в Митяево сразу вселились. Мы случайно сюда попали. Вы знаете, там невозможно было жить, там такая атмосфера была, знаете, нам тоже. Там такие были директор там всё, мой папа даже до

войны был десятником там, и у нас временно, только сюда перешли, а через время и убрали этого директора. А мы тут были, а его не отпускали. Как мобилизованные мы были. А он пришел до нового директора и: «Рассчитайте их», - говорит. «Я уже, - говорит, - не могу». А он тогда: «Вы в десять часов придете дня, я вас поговорю». И он сказал, что, когда он пришел, говорит: «Я таких людей не могу оставить. Забирайте семью сюда». Он говорит: «Я не могу всё свободно как, но будет всё хорошо». Папа забрал, а я уже вышла замуж за этого красавца.

Т.В.: А Вы нам не можете сказать, вот здесь, в этом селе, есть еврейское кладбище?

В.Г.: Да, вот оно ж там, вот. А Надю, не знаете вон там, вот рыженькая Надя.

Т.В.: Мы к нейходим ещё.

В.Г.: Она знает, и я когда-то там была. Были там? Или мы там уже эти, еврейские кладбища.

Т.В.: А Вы не помните, что там на этом кладбище было?

В.Г.: Вот Надечка, наверное, знает.

Т.В.: Какие там были могилы, отличались они от украинских, от русских.

В.Г.: Вообще там были одни еврейские кладбища, понимаете, в чем дело. А наши – в Журавлях было.

Т.В.: Только еврейское?

В.Г.: Да, было только еврейское.

Т.В.: А не было такого, что русских и евреев вместе хоронили раньше?

В.Г.: Вы знаете, я такого не знаю, я же тут не жила. Вот Надя, может быть, знает. А вы к ней не ходили?

Т.В.: Нет ещё, сейчас пойдём. А вот расскажите, а Вы не помните, вот Вы говорите, гуляли по тому кладбищу. Как оно выглядело, какие были надгробия еврейские, на каком языке были написаны надписи, если были?

В.Г.: Вы знаете, я вот точно не могу сказать. Но там было отдельное оно. Там хоронили их, вот Надя даже лучше знает, чем я.

Т.В.: А как хоронили, Вы не слышали, не знаете? Как вот евреи хоронят своих умерших?

В.Г.: Подождите, подождите. Как я когда-то видела... А, голова уже такая. Вы знаете, мы в хорошем отношении были с евреями. Здесь был председателем сельсовета, еврей же был. Это, как же его фамилия... Андрюша!

Т.В.: Но он нам говорил, говорил, да.

В.Г.: Вот, очень хорошо мы. Мы когда сюда временно ж пришли, я ему говорю, он говорит: «Что, Валя, ты можешь, как ты можешь работать?». Между прочим, раз вы на Кубани – значит вы евреи, раз вы на Украине – значит вы евреи – на нас.. Зато когда мы пришли. Ну что ты. Вот вы знаете, у меня братик, может, вынесу его фотографию, вот мама выйдет с ним, а полицаи говорят: «Что ж это он у вас на еврея так похож? Что ж он такой чернобровый, сросшие это, красивые глаза большие, ресницы большие такие». Это у нас по полякам, видно, это, потому что бабушка полячка была. Все ж у нас тут всё, знаете как... Невестка, между прочим...

Т.В.: А нам уже сказали.

В.Г.: Да?

Т.В.: Вы нам лучше знаете, что скажите, как евреи хоронили? Вы же видели.

В.Г.: У нас же там как раз евреи на... не умирали. Подождите, кто у нас был там, сейчас скажу, кто у нас там был. А, учитель у нас был и его жена учительница, и у них Розочка была, Роза, она всегда... А там был этот, этим, он был этим, знаете как, сейчас скажу вам, он был кладовщиком. И вот она придет, и мне, она знает, как «гъ» как выговаривает: «... дай могьковки». Но мы с ней дружили, знаете, учитель у неё отец был. Потом, когда мы с Кубани, когда мы вернулись уже назад, выходит, когда нам перерезали тут немцы, вот, и Вы знаете, я иду, а такой парень красивый еврей был, идут солдаты ж. А я, а у нас утащили чемодан с нашими вещами, мама пошили, она ж долго держала нам, как мы вырастем, маркизет шелковый черный, и у меня коски черные, в своё время председатель тоже думал, что я евреечка, честное слово! Не то что... Муж пусть скажет, я давно ему рассказывала. Вот, а он идет, красивый такой паренек, с русскими солдатами, ну солдаты, красноармейцы, и вот мода – в сорок четвертом году, мода сорок четвертого года – вот сама платье шелковое, сама босая. Красивый паренек этот. И вы знаете, я ж пошла когда, уже ж когда немцы, я пошла в Некрасовский сельсовет, надо было, и когда оттуда шла, иду, вы знаете, и вдруг идут, вы знаете, как вот колоннами, колонки три таких, ну как вот

взводами, как в взводе человек сколько. А я перешла дорогу, а они уже вот так идут, а я так оглянулась и думаю: «Чернявые все такие, всё, вот они не зря уехали оттуда, вот эти остались живые». Они идут, и кто-то крикнул «Валя». Это они, наверное, они ... отсюда, в нашей школе учились на каменоломне, в Вересаево, это ж еврейское село Вересаево.

Т.В.: А где оно – здесь?

В.Г.: Да оно тут не так далеко, Вересаево. Сейчас там поселились татары, поселились. Да, у нас же на каменоломне ходили в школу, и вы знаете, кто-то крикнул: «Валя, Валя!». Я оглянулась, и стою. Ну, хороший был, правда, этот, как его, как охранники эти шли, говорит: «Валя, бежи пока не поздно. Тут всех...». А я иду ж в черном этом платице, шелковом, черные волосы – у меня черный же был волос, и косочки...

Т.В.: А Вас Валентина... как зовут?

В.Г.: Григорьевна. Фамилия была Литвиненко, сейчас – Скакун. Знаете, а мне этот охранник говорит: «Бежи скорей, пока не поздно. Сейчас другой охранник, сейчас тебя сюда загонит, и всё, не будет разбираться, кто ты, какая ты». Так я как... добежать, бежала, а эти остались живые у нас. Вот эти ж вот кузнец. Он так бедный, так переживал. Вы знаете, когда я ехала, уже вот эвакуировались, и шли с дороги, и мы остановились с ...(?), уже через ...(?) когда мы перешли, и вы знаете, стоит такой красивый паренёк вот этот, не паренек – он уже женатый, жена стоит, и он. У него ребеночек был на руках. Вы знаете, он такой стоит, прямо живой труп. Он так, видно, переживал всё. Стоит вот так вот оно, говорит так – видит, что мы люди, как люди, а не какие-нибудь: «Вот Вы знаете, когда ко мне пристали, я еврей, а я сказал татарин, и меня это спасло, и мою жену. Сказал татарин, да». Я его как сейчас помню, мне его так жалко было! Стоит такой, как будто бы, как будто б вот мертвый, и стоит, и так он переживал.